

Л.В. Смирнягин

Районы США:

портрет
современной Америки

Москва «Мысль» 1989

ББК 26.89(7 США) С50

РЕДАКЦИИ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Рецензенты:

Л. И. Карпов, В. П. Ковалевский, Д. А. Лисоволик

ISBN 5-244-00158-2

© Издательство «Мысль». 1989

ПРЕДИСЛОВИЕ

Трудно найти другую зарубежную страну, к которой советский читатель проявлял бы больший интерес, чем США. Это и понятно: крупнейшая капиталистическая держава, обладающая могучим экономическим и военным потенциалом, эта страна стала одним из главных, определяющих элементов современного мира, и от процессов, протекающих в американском обществе, во многом зависят наши отношения с этой страной. Для того чтобы правильно судить о перспективах этих отношений, нужно попытаться понять США - понять прихотливые зигзаги общественного мнения этой страны, причины противоречивости взглядов ее политических лидеров, запутанные на первый взгляд факторы общественного развития и социально-психологические мотивы поведения американцев.

Понять же эту страну непросто, притом даже европейцу, хотя эта страна родилась и развивалась на почве именно европейских культурных традиций. Слишком своеобразна географическая среда, в которой складывалась американская нация, неповторима история этой страны, пестр и разнороден состав ее населения, включающий потомков иммигрантов со всех концов света. Проблема этого своеобразия и необычности волнует каждого, кто пишет о США, будь то ученый или путешественник. «О чем думает рядовой американец?» - вот типичный вопрос путевых заметок об Америке. «Рядовому американцу свойственно...» - вот типичное начало фразы в таких сочинениях. В них отражено стремление «схватить» американскую специфику, выразить ее четкой формулой.

Между тем в американской специфике есть одна важная черта, которая, пожалуй, вообще лишает смысла попытку найти образ «среднего» или «типичного» американца. Эта черта - удивительная географическая неоднородность американского общества, его региональная мозаичность, из-за которой в каждой части такой мозаики есть свой «средний американец», непохожий на соседа. Сами американцы остро чувствуют подобную неоднородность. Американской культуре присуще на редкость яркое региональное самосознание граждан, в силу которого они четко ассоциируют себя с определенным районом или даже местностью своей страны, именно ему или ей адресуют в первую очередь свой патриотизм и постоянно противопоставляют себя, порой весьма жестко, другим районам страны и их жителям. При этом речь идет не просто о месте обитания, но о специфической, присущей только этому месту культуре в самом широком смысле этого слова - от бытовых привычек до системы ценностей. Иными словами, речь идет об осознании себя членом особой территориальной общности людей, которая оказывается наиболее широкой из всех социальных общностей - профессиональных, этнических или классовых.

Территориальные общности есть в любой стране, особенно много их в крупных странах. Но мало найдется государств, в которых этот феномен достиг таких, как в США, размаха и значимости для всех сторон

общественного бытия. Причин этому немало: и обширность самой территории США, и контрастность ее физико-географических условий, и заселение разных ее частей в разные периоды истории, и старинная традиция сегрегированного расселения, в силу которой американцы стремятся жить среди себе подобных по достатку, национальной принадлежности предков, образу жизни, это и само федеративное устройство США, которое отличается здесь особой изощренностью, немалыми правами штатов и местных властей, причем права эти реализуются с большой активностью.

Региональное самосознание - это не только отождествление граждан с определенной территориальной общностью, но и противопоставление себя членам других общностей, у которых другой выговор в речи, другие привычки, а главное--другие интересы. Соединенные в федерацию штаты не только отличаются друг от друга - они сплошь и рядом противостоят друг другу в решении многих проблем, стоящих перед американским обществом. Именно подобного рода противостояние однажды уже довело страну до Гражданской войны между Севером и Югом, а сегодня межрайонные коллизии в США достигли такой остроты, что широкая пресса принялась было говорить о «новой войне между Севером и Югом», имея в виду отток хозяйственного потенциала с Индустриального Северо-Востока в южные штаты «солнечного пояса».

Одним словом, невозможно составить о США реальное представление, если рассматривать их как точку, отвлекаясь от внутренней неоднородности. Очень многие сведения о США, которыми мы привыкли пользоваться, являются собою результат механического усреднения крайне разнородных данных об отдельных штатах или районах страны, причем среди них мало или вообще нет таких, которые можно было бы характеризовать средними по стране данными (плотность населения, доля черных и т. п.). Получается, что данные по США как бы повисают в воздухе, оказываются статистическими фокусами. Характеризуя страну в целом, они не характеризуют ни одну по сути дела из ее частей, и ни одна из этих частей не похожа на этот усредненный портрет страны. Портрет этот обязательно надо делать, так сказать, групповым, а это значит, что без географа здесь не обойтись.

Советские географы-страноведы не раз писали о США, притом писали обстоятельно, посвящая этой стране большие монографии. Почти все они, впрочем, были написаны не в страноведческом (т. е. комплексном), а в экономико-географическом ключе; основное, если новее, внимание в них было сосредоточено на географии хозяйства этой страны или его отраслей, реже - на проблемах расселения и урбанизации, но тоже с акцентом на экономические аспекты. Экономико-географический подход стал традиционным для советской географической американистики.

Эта же книга нарушает сложившуюся традицию: ее главной темой служит не география хозяйства США, а география американского общества книга написана не столько о производительных силах этой страны, сколько о населяющих ее людях. Это, на взгляд автора, более строго соответствует тематике страноведения, которое нацелено на комплексное изучение страны во всех ее существенных аспектах, а не только в экономико-географическом.

Сегодня проблема перехода от географии хозяйства к географии общества в целом стала одной из самых актуальных для советских географов. Этого перехода требует от них сама практика социалистического

строительства в нашей огромной стране, остро нуждающаяся в разработке научных основ управления территориальным развитием всего общества, а не только его производительных сил. Решение этой задачи осложняется, однако, тем, что оно связано с необходимостью разработки новых подходов, новой методологии и более широкого круга знаний в дополнение к тому багажу, который уже накоплен в экономической географии. Речь идет о непосредственном изучении «человеческого фактора», притом не только как дополнительного стимула развития экономики, но и как главной и единственной цели всякого хозяйствования.

Хороший «полигон» для подобных разработок - США, страна на редкость разнообразная и богатая традициями социокультурного регионализма, который ярко отражен в обильной литературе и статистике. Из анализа этого материала особенно удобно черпать те обобщения, которые могут представлять методологическую и теоретическую ценность - если, разумеется, ставить этот анализ шире чисто экономико-географической тематики, т. е. возвращая страноведению его изначальную подлинно комплексную основу, охватывая, говоря словами Н. Н. Баранского, спектр вопросов «от геологии до идеологии».

В свете таких задач и написана данная книга. Она посвящена не только географии американского общества, но и попыткам выявить в ходе анализа этой географии те методологические установки и подходы, которые могут послужить решению более общих проблем зарождающейся у нас общественной географии. Главной здесь оказалась проблема методологических основ районирования общества. Территориальные общности не даны априори, их контуры на карте отнюдь не очевидны, и для того, чтобы правильно их анализировать, нужно прежде всего научиться правильно их выделять. С другой стороны, для разработки подходов к такому выделению нужно было вникнуть в конкретику региональной жизни американского общества.

Двойственностью главной задачи книги объясняется и ее структура. Книга открывается главой, посвященной изложению теоретико-методологических тезисов районирования общества. В последующих главах эти тезисы воплощены в конкретном районировании США. При этом анализ каждого из выделенных районов можно рассматривать и как аргументацию исходных тезисов, и как реализацию страноведческого, т. е. комплексного, подхода, при котором исследуется региональная взаимосвязь всех главных сторон территориальных общностей людей, а не только их хозяйственная деятельность. Книга завершается попыткой подытожить некоторые уроки районирования конкретного общества, обсудить их значимость для исследований по другим странам.

Объем книги оказался слишком скромным для того, чтобы в его рамках претендовать на исчерпывающее решение и методологических вопросов, и задач глубокого анализа каждого из районов этой огромной и сложной страны, стоит напомнить, что лучшая до сих пор страноведческая работа по США, созданная Институтом географии АН СССР четверть века назад, заняла три объемистых тома. Поэтому данное исследование поневоле пришлось ставить как своего рода «разведку боем» в малознакомой области региональной географии общества, как предварительный этап, на котором позволительны скороговорки, неполнота и нарочитый акцент только на некоторых, наиболее важных вопросах. В частности, сознательно допущена сильная неравномерность в распределении объема по районам: о некоторых из них (прежде всего старопромышленных) рассказано лишь вкратце, о

других - гораздо подробнее. Последнее относится в первую очередь к районам Юга, потому что именно здесь за последнюю четверть века произошли наиболее важные изменения, и сегодняшний Юг особенно разительно отличается от того, который был описан в монографии Института географии, а потому особенно остро нуждается в углубленном анализе. Тем не менее даже здесь изложение оказалось гораздо более сжатым, чем то, которого заслуживала тема: из-за ограниченности объема пришлось исключить из книги обширные, притом уже написанные, фрагменты о таких важных для понимания Америки городах, как Атланта, Мемфис или Хьюстон, о таких интересных частях США, как подрайоны Нового Юга.

Сказалось это и на насыщенности книги цифровым материалом. Американская региональная статистика исключительно обильна, притом по самым разным вопросам. Сегодня она широко доступна советскому специалисту - не в пример тем условиям, в которых работали в свое время авторы трехтомника Института географии. Невиданные возможности для обработки этой статистики открывает ныне мощная вычислительная техника. С ее помощью на географическом факультете МГУ уже составлен обширный, хорошо оснащенный программами банк данных «Каунти» с 7 социально-экономической статистикой в разрезе более 3 тыс. округов США (авторы А. В. Новиков, В.А.Мячин и И. В. Иванова), завершается сочленение этой геоинформационной системы с автоматическим картографированием. Все это открывало широкие возможности для обильного оснащения книги самыми разнообразными количественными параметрами почти по любому из затронутых вопросов. Однако узость рамок объема книги заставила выбирать между фактографическим акцентом и курсом на обобщенную подачу материала. Выбор был сделан в пользу последнего как более важного для избранного «жанра» исследования.

У этого выбора было еще одно обоснование. После многолетнего молчания советской географической американистики сегодня в этой области назревает настоящий «информационный взрыв». Развернута работа по созданию капитального двухтомного справочника по США в издательстве «Советская энциклопедия» (под эгидой его географической редакции и Института США и Канады АН СССР); готовится к изданию объемистый комплексный географический Атлас США; журнал «США» начал публикацию серии статей о штатах, рассчитанную более чем на 3 года. Данную книгу надо рассматривать в совокупности с этими изданиями, которые должны дополнять друг друга. Читателям, которым будет не хватать в этой книге фактических, цифровых сведений, можно рекомендовать обратиться к энциклопедическому справочнику, а тем, кому порайонный анализ покажется менее удобным, чем анализ по штатам, - к серии статей в журнале «США». В качестве картографического приложения к книге можно рассматривать Атлас США. Остается добавить, что автор книги принял активное участие в географической части энциклопедического справочника, написании статей о штатах в журнале «США» и составлении Атласа США, и это должно было обеспечить тесную увязку его книги с перечисленными изданиями.

Часть 1

РАЙОНИРОВАНИЕ США**Почему нужно районировать США**

Вряд ли существуют в мире страны, которые можно понять, не вникая в особенности их внутреннего территориального разнообразия. Даже в самых мелких островных государствах многое в их культурной, хозяйственной или иной специфике объясняется различиями, скажем, между поверхностью суши, внутренней лагуной и прибрежным морем за кольцом атолла. Когда же речь идет о крупных странах с разнообразной территорией, то внимание к внутренним географическим различиям становится неременным залогом достоверности научного исследования.

В этом отношении Соединенные Штаты занимают совершенно особое место. Для их изучения учет внутренних географических особенностей имеет огромное значение, сравнимое лишь с важностью этого аспекта для изучения СССР. Недаром В. И. Ленин, приступая к изложению своего исследования по США, начал его после короткого введения словами, которые известны сегодня, наверное, каждому советскому американисту: «Гигантская площадь Соединенных Штатов, немногим уступающая целой Европе, и громадное разнообразие условий хозяйства в различных концах страны, - все это вызывает безусловную необходимость отдельного рассмотрения главных районов, существенно неоднородных по своему экономическому положению»

* Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 27. С. 135-136.

Для подобного рассмотрения практичные американцы чаще всего используют административно-территориальное деление (АТД). Административные границы рассекают территорию США на 50 штатов, более чем на 3 тыс. округов, примерно на 20 тыс. муниципалитетов. За каждой ячейкой АТД стоят свои власти, обладающие в США значительными полномочиями. Многие функции управления переданы на уровень округов и муниципалитетов, отдельные задачи (пожарную охрану, школьное делан др.) выполняют специальные дистрикты. Важно иметь в виду, что каждый из этих уровней управления обладает немалой финансовой автономией, так как имеет право собирать в свою пользу налоги с местного населения и корпораций, а также получает средства от верхних эшелонов власти. И по размаху, и по характеру регулирования отдельные штаты, округа и муниципалитеты сильно отличаются друг от друга, поэтому условия хозяйствования и социальной жизни в них весьма различны.

Велико значение административно-территориальных границ и в культурном отношении. Регионализм в общественном сознании способствует привитию гражданам чувства местного патриотизма, которое часто адресуется «своему» округу или муниципалитету, но особенно сильно выражено на уровне штатов.

Немало американских исследований, посвященных географическому разнообразию общественной жизни, построено именно на разделении США по ячейкам АТД, прежде всего по штатам [73, 120].

Однако в этих работах, построенных на «поштатном» описании страны, легко найти свидетельства того, что границы штатов совершенно не совпадают с границами тех частей, из которых состоит в реальности американское общество. И Гантер, и особенно Н. Пейрс завершали описание каждого штата анализом его неоднородности - и сразу

обнаружилось, что не только почти каждый штат состоит из весьма контрастных частей, но, что особенно важно, во многих случаях такие части больше похожи не на своих соседей по штату, а на соседей по другую сторону штатных границ. Иными словами, эти границы сплошь да рядом рассекают районные целостности, и следовать таким границам при комплексном анализе территориальной организации американского общества - значит обречь его на искаженное представление о действительности.

Сетка АД, допустимая в популярных политологических очерках, не может удовлетворить географа американца. Уже при беглом взгляде на эту сетку ученый без труда обнаруживает, что она даже не попадает в пространственный ритм реальной организации общества: штаты, как правило, слишком велики для экономических районов, округа малы для социальных, потому что в них не уместятся даже агломерации, но велики для отдельных городов (кроме самых крупных), муниципалитеты же почти всегда слишком малы для реальных городов и охватывают в основном лишь центральные их части [15].

Такое несовпадение порождает большие трудности в управлении территориальной организацией общества. Слишком часто территория единого района расчленяется границами АД на части, подчиняющиеся различным властям, мероприятия которых, распространяясь по внутрирайонным каналам связей, оказывают серьезное воздействие на сопредельные части района по другую сторону границ АД, откуда в свою очередь могут поступать импульсы, порожденные автономными мерами совсем других властей.

Все это говорит о том, что в американских условиях АД не отражает территориальной организации общества с достаточной полнотой. Его можно рассматривать лишь как своего рода внешнюю форму этой организации. Как говорил К. Маркс, если бы форма всегда совпадала с содержанием, всякая наука была бы излишней. В данном случае о совпадении не может быть и речи, поэтому для выявления этой организации необходимо обратиться к научным методам познания.

Именно таким задачам и посвящено районирование - одно из главнейших подразделений географии как науки. Районированием США занимались немало географов как в этой стране, так и за ее пределами, и здесь уже накоплен немалый опыт.

Как ни странно может показаться, но в географии самих США так и не сложилось традиции экономико-географического районирования. Интересно, что еще в 1921 г. М. Ф. Владимирский, отмечая сходный феномен равнодушия к научному районированию в Западной Европе, говорил на второй сессии ВЦИК: «Причины этого понятны. Достаточно указать на то, что в этих странах в течение многих веков естественным путем образовались определенные культурно-исторические области с определенным культурно-историческим укладом» [8].

Американские географы используют районирование прежде всего для организации своих описаний страны. Поскольку же у каждого исследователя свои представления об удобстве этой организации, сетки районирования сильно отличаются у разных авторов. Это хорошо видно на рис. 1, где представлены варианты районирования США, предложенные разными авторами за последние полвека.

В нашей стране первое полноценное географическое районирование США было создано Л. Я. Зиманом [12]. Значение монографии Зимана,

изданной в 1959 г., вышло далеко за рамки американистики, в ней с особой силой и убедительностью прозвучали многие из главных теоретических установок советской школы экономического районирования.

Традиции, заложенные Л. З. Зиманом, были развернуты в более обширном и детальном исследовании, опубликованном в 1950-1966 гг. группой ученых из Института географии АН СССР - В. М. Андреевой, В. М. Гохманом, В. П. Ковалевским, М. Е. Половицкой [2, 23, 24]. Это исследование уже не содержало теоретических разделов - по-видимому, в связи с тем, что авторы полностью разделяли теоретические установки Зимана. Коллективу авторов удалось провести исследование гораздо глубже, осветить его результаты гораздо подробнее, привлечь куда более обильный фактический материал. Поэтому их сетки районов выглядят более совершенными.

В дальнейшем работы по районированию США в нашей стране долгое время не велись. Между тем в самих США эти работы за последнюю четверть века были ознаменованы важными достижениями. Главные из них - преодоление засилья однородного районирования, разработка узлового районирования, поворот от территории к обществу и, конечно, накопление богатого эмпирического материала, во многом уже осмысленного с новых методологических позиций и представленного в целом наборе интересных сеток районирования. Районирование перестало быть чисто кабинетным делом, оно все шире используется для самых разных практических целей - от районной планировки до предвыборной борьбы; им все активнее интересуется широкая общественность.

В то же время многие застарелые пороки остались неискорененными. Все еще популярен тезис о субъективности районов, хотя он все больше выглядит данью моде, поскольку теоретическое его обоснование явно ослабевало по мере выхода районирования в планировочную практику. Как и прежде, американское районирование чуждается классовых подходов. Даже те свежие веяния, которые наметились в американской географии с оживлением ее радикального крыла, обошли проблематику районирования. Две наиболее интересные и преуспевающие ветви американского районирования - узловое и культурное - развиваются изолированно, их методологические достижения не используются в экономическом районировании достаточно широко. Одним словом, частные районирования - социальное, культурное, экономическое - отнюдь не сливаются в единое направление, которое могло бы вывести на комплексное районирование общества. Более того, набранная этими частными районированиями инерция движения вновь заставляет сделать вывод о том, что этого слияния пока что не предвидится.

Как районировать США сегодня

Со времени выхода в свет советского академического трехтомника о районах США прошла почти четверть века. За это время многое изменилось в США - и в хозяйстве, и в общественной жизни, и, конечно, в территориальной организации общества. Бурные общественные движения 60-х годов, экономические потрясения 70-х, наступление реакции и милитаризации 80-х - все эти и подобные им явления оставляли глубокие следы в географической структуре современных США. Вполне очевидно, что назрела задача нового районирования США.

Нынешние условия для решения задачи разительно отличаются от тех, в которых работали Л. Я. Зиман или авторы академического трехтомника.

Кардинально улучшилась статистическая обеспеченность работы, в научный обиход внедрена могучая вычислительная техника, открывающая невиданные возможности для эффективной переработки статистических «монбланов». Накоплен и готов к научному осмыслению обширный новый материал о социальных, политических, культурных сторонах жизни США, - материал, которым не располагали (по крайней мере в таком изобилии) советские географы-американисты четверть века назад. Существенно продвинулись вперед теория и методология районирования, усложнились их представления, методический аппарат стал гораздо более изощренным. Наконец, - и это едва ли не самое главное - у нас теперь есть опыт экономического районирования США, запечатленный в трудах Л. Я. Зимана, В. М. Андреевой, В. М. Гохмана, В. Л. Ковалевского, М. Е. Половицкой.

Все это позволяет ставить перед новым «туром» районирования США новые, более сложные задачи. Суть их новизны состоит в том, чтобы перейти от районирования экономического к районированию общества, т. е. от районирования хотя и самой важной, но все-таки только одной стороны общества к районированию всех его сторон в совокупности и взаимосвязи - экономической, социальной, культурной, политической.

Казалось бы, нет нужды доказывать, что эти задачи не сводимы одна к другой. Каждой стороне общества присуща своя самоорганизация в пространстве, каждый вид общественного взаимодействия испытывает свое, специфическое «трение» расстояния, имеет свой пространственный «шаг». Например, в США средняя дальность трудовой поездки около 12 км, а средняя дальность перевозки единицы товара (по стоимости) около 400 км. Эти виды деятельности общества размещаются по территории сопряженно, взаимообусловленно, но отнюдь не одинаково. И хотя взаимодействия людей в ходе производственной деятельности можно считать главными, ведущими, экономическое районирование не может представлять «от имени» отдельных других видов или тем более их совокупности в целом. Более того, эти взаимодействия во многом противоречат друг другу в своем пространственном выражении. Развертываясь на одной и той же территории, они могут конкурировать за нее, за ее ресурсы, их морфогенетические поля накладываются друг на друга, но развиваются в пространстве по существенно разным законам. С точки зрения исторического материализма именно эти противоречия нужно считать главным двигателем развития территориальной организации общества.

Следовательно, районирование общества нуждается в специальной разработке его методологических основ и, возможно, методического аппарата. Разумеется, эти основы должны включать многое из накопленного в экономическом районировании опыта. Однако уже в силу того, что районирование общества - проблема заведомо более широкая, нежели районирование экономическое, этот багаж должен быть пересмотрен и дополнен. Задача подобного переосмысления (а тем более дополнения) сложна, ее решение под силу только всему отряду советских страноведов. Применительно к более частной задаче районирования США ее **-18-** можно решать только в виде рабочей гипотезы, которая нужна для научного обоснования новой сетки районов данной страны. Эту гипотезу мы изложим по схеме, которая становится все более традиционной в литературе сходного характера: начнем с теоретических предпосылок районирования общества, затем перейдем к его методологическим основам, а завершим изложение обсуждением методических вопросов.

Теоретические предпосылки

В советской школе экономического районирования уже прочно сложились некоторые установки теоретического уровня, которые хотя и не всегда формулируются самими авторами, но неукоснительно служат опорой для их исследований. Некоторые из них можно считать обязательными и при районировании общества. Рассмотрим их.

Объективная сущность района. Район есть территориальная форма существования общества, продукт его объективной пространственной самоорганизации, не зависящей от воли отдельных людей. Такая форма носит неявный, сложный характер, и задача районирования - выявить объективно существующие районы, чтобы вооружить общество знанием своей территориальной организации и дать ему научное обоснование для ее совершенствования, исходя из тех задач, которые ставит перед собой данное общество в целом (или, если речь идет об антагонистическом обществе, господствующий в нем класс). Этот тезис противостоит расхожему тезису американской географии, согласно которому район есть способ упорядочения данных о пространственной дифференциации, избираемый ученым исходя из задач его исследования или изложения.

Следует, впрочем, отметить, что и в советской школе районирования допустимо менее жесткое толкование названной предпосылки, когда речь идет о выделении экономических районов как объектов управления, создаваемых прежде всего для плановой организации производительных сил. Здесь районы могут выглядеть как бы не полностью объективными, а созданными волей планирующих органов. Однако это отнюдь не уступка тезису о субъективном районировании. Это отражение конструктивного начала районирования в условиях социалистического общества. Разумеется, такое районирование не должно быть волюнтаристским. Оно исходит из объективно сложившейся территориальной организации общества, однако не просто следует ему, а показывает как бы перспективную картину, отражая не только сегодняшний день, но и желаемое состояние, в которое предстоит отлиться обществу под воздействием планомерных, научно обоснованных мер.

Целостность района. Район есть территориальная (т. е. расположенная на одной территории) совокупность элементов, обладающая двумя главными свойствами: спецификой, которая отличает ее от соседей, и целостностью, которая, говоря словами Э. Б. Алаева, есть «объективное условие и закономерный результат развития данной территории» [1]. Советская школа отвергает принцип однородности, популярный в географии США, и делает упор на функциональные взаимосвязи и отношения тех территориальных ячеек, которые она объединяет в районы. В этом советская школа районирования видит залог целостности района. В таком смысле район выглядит не общим понятием «любая часть территории», которое отражает скорее термин «ареал». Район здесь - только такая территория, в пределах которой изучаемое явление обладает известной целостностью. Иными словами, сложилась традиция использовать «район» как термин таксономический, а не общий. В географии общества район - внутренне целостное, но отнюдь не самодовлеющее образование. Напротив, он является органической частью системы взаимосвязанных районов, которые образуют новую целостность - общество.

Формационная обусловленность. Сущность района predetermined характером той общественной формации, которая господствует на данной территории. От ленинских работ идет традиция районирования по уровню развития капитализма, и в советском экономическом районировании капиталистических стран отношения собственности на средства производства считаются ключевой проблемой в подходе к факторам районообразования, его формам и т. д. Правда, среди советских географов нет единства в вопросе о том, существовали ли районы в докапиталистических формациях. Можно, однако, заметить, что растет число сторонников точки зрения, которую, например, Б. М. Ишмуратов формулирует так: «Нет общества не организованного районно, развивающегося однородно, недифференцированно, - район есть конкретное бытие общества, вернее, историческая форма совокупной жизни людей, воплощение его территориальности, конкретной его пространственно-временной определенности» [14]. И далее: «Территориализация равно присуща всем общественно-экономическим формациям, является условием и формой их развития. Территориализация, можем мы сказать, - необходимое условие и форма материализации, конкретно-исторического воплощения той или иной общественно-исторической формации» [14]. Применительно «районированию общества следовало бы добавить, что этот формационный тезис не должен превращаться в примат экономического оптимума над всем остальным. Хозяйство отнюдь не цель общественного развития, а лишь его средство, условие, хотя и жизненно необходимости в этом смысле экономический оптимум подчинен социальному. Стоит напомнить, что в годы первых пятилеток молодая Советская республика шла на размещение значительной части промышленных новостроек не в передовых районах страны, а на окраинах, т. е. на размещение заведомо не-оптимальное с узкоэкономической точки зрения, и шла на это ради решения более важных социальных задач коренного преобразования окраин.

Территориальное разделение труда. В советской экономической географии главным фактором районообразования считается территориальное разделение труда (ТРТ). Именно оно обеспечивает целостность и единичному району, и системе районов. В докапиталистические эпохи внутрирайонное ТРТ явно господствовало, район складывался прежде всего как самодовлеющая целостность, и ТРТ исчерпывало себя в районных рамках почти полностью. Увязка же районов друг с другом была слабой, и это открывало большой простор для перераспределения районов в разные политические объединения. В географическом смысле развитие общественного производства - это нарастание роли межрайонного ТРТ и уменьшение относительной роли внутрирайонного, которое в наиболее развитых странах размыто сегодня настолько, что подчас осложняет использование ТРТ для выявления целостных экономических районов. При переходе от экономического районирования к общественному необходимо сделать важное уточнение к тезису о роли ТРТ в районообразовании. С чисто экономической точки зрения ТРТ, как и общественное разделение труда в целом, является глубоко позитивным фактором. К. Маркс не раз говорил о том, что об уровне развития данного общества лучше всего судить по тому, насколько развито в нем общественное разделение труда. Но если расширять рамки исследования за пределы экономического оптимума то неизбежно встает вопрос, которому К. Маркс тоже уделял немало внимания, - вопрос о

негативных социальных последствиях общественного разделения труда, и в особенности ТРТ. «Мануфактура уродует рабочего, - писал К. Маркс, - искусственно культивируя в нем одну только одностороннюю сноровку и подавляя ыгр его производственных наклонностей и дарований, подобно тому как в Аргентине убивают животное для того, чтобы получить его шкуру или его сало» * Связывая невиданное обострение этих социальных последствий именно с мануфактурой, К. Маркс писал: «Некоторое духовное и телесное уродование неизбежно даже при разделении труда внутри всего общества в целом» (там же, с. 376). Советский философ и историк В. Ф. Асмус писал об этом так: «Всякий новый способ производства, всякий успех в области техники или науки подчиняется общему принципу разделения труда и замыкает мыслящих и чувствующих людей в узкие и душные рамки мелких и мелочных профессиональных интересов» [3].

Здесь мы сталкиваемся с диалектическим противоречием общественного развития, которое не звучало так резко в экономическом районировании, поскольку последнее было посвящено лишь одной стороне этого развития, притом именно той, где разделение труда является несомненным благом. При переходе же к районированию общества в целом необходимо изучать это противоречие во всей его полноте и трагизме--' тем более что в территориальном разрезе оно получает едва ли не самую разительную форму.

Выход за рамки экономического районирования, восхождение к районированию общества вынуждают добавить к сказанному еще несколько предпосылок теоретического плана, которые для экономического - районирования были либо необязательны, либо почти не использовались.

* Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 373.

. Т е р р и т о р и а л ь н а я о б щ н о с т ь л ю д е й. Экономическое районирование нацелено на выявление территориальных общностей производительных сил и их ресурсов - от природных до трудовых, а в районировании общества речь идет прежде всего об общественном человеке, о выявлении территориальных общностей людей. Этот поворот влечет за собой немало очень важных последствий. Экономический оптимум, на который ориентировано экономическое районирование, подчинен социальному, а в районировании общества социальный оптимум, на который оно нацелено, не подчинен ничему, потому что общество не имеет цели за пределами самого себя. Общественный человек как объект районирования является субъектом социально-экономического развития. В отличие от производительных сил он наделен свободой воли и реализует ее в пространстве в соответствии со своим восприятием среды, причем это восприятие может сильно отличаться от «реального», геометрического, потому что оно опосредствовано культурно-историческим «пытмом общественного человека. Отсюда возникает незнакомая экономическому районированию проблема пространственной перцепции - отражения и переосмысления свойств пространства человеком, который строит свою общественную деятельность в пространстве в соответствии с этой перцепцией, как бы далеко ни уводила она его от «реального» пространства. Новый объект районирования гораздо богаче связями, в нем больше вероятностного, чем в хозяйстве, его труднее параметризовать, исчислить.

П р о т и в о р е ч и я к а к д в и г а т е л ь р а з в и т и я. Данный тезис, вполне традиционный для исторического материализма, не получил должного развития в нашем экономическом районировании, хотя недавно

стали появляться работы на эту тему [22]. В районировании же общества такой тезис должен стать одним из ключевых. Противоречия между интересами района и отрасли, района и страны, между районами - все это отражение противоречивости развития общества как полиструктурного образования, где каждая структура развивается по-своему, хотя и сопряженно с остальными. Образование районов - одна из форм разрешения этих противоречий в ходе практической деятельности людей, притом разрешения временного, которое нарушается новыми условиями и новым обострением противоречий, ведущим к изменению региональной структуры общества.

Очевидно, этим не исчерпываются теоретические предпосылки, которые лежат в основе советской школы районирования или должны быть привнесены сюда в связи с восхождением от экономического районирования к общественному. Здесь отмечены лишь те из них, которые представляются наиболее важными для дальнейшей разработки районирования общества применительно к США. Однако этот перечень будет не полным, если мы обойдем ключевую для этой разработки проблему - определение понятия «район» как территориальной части общества.

О п р е д е л е н и е п о н я т и я «р а й о н». На первый взгляд определение это сделать легко, если сказать, что район - это целостная территория, занятая одной специфической территориальной общностью людей (ТОЛ). Однако понятие «ТОЛ» разработано еще слишком слабо. А. В. Петров подчеркивал, что ТОЛ-«ключевое понятие социальной географии» [22], но его работа на эту тему - одна из очень немногих в советской географии. Эта проблема все активнее и успешнее разрабатывается в социологии. Вот некоторые из определений ТОЛ, данных социологами: «исторически сложившаяся и находящаяся в непрерывном развитии устойчивая социально организованная совокупность людей, объединенная единством проживания на одной хозяйственно освоенной территории» [10], «компоненты конкретно-исторического общества, в которых воспроизводятся целостные общественные структуры. Ими могут быть только территориальные общности людей» [31]; «общности, члены которых связаны узлами общих отношений к территории, на которой они проживают, и узлами отношений, вытекающих из факта проживания на общей территории (Я. Щепаньский, цит. по [22]).

Стоит, впрочем, добавить к этому слова другого видного социолога, О. И. Яницкого: «В целом, судя по количеству и характеру публикаций на эту тему, проблематика территориальных общностей находится на периферии нашей социологии» [33]. В самом деле, публикаций еще немного, но разноречивой во мнениях очень большой. Даже насчет территориального «адреса» ТОЛ единого мнения еще нет. По А. А. Долинину, М. Н. Межевичу и А. С. Пашкову, это единицы административно-территориального деления, по А. В. Петрову и В. К. Бугаеву - части систем расселения, а по мнению воронежских географов во главе с К. В. Поросёнковым - «основной экономической район». Обзор этих мнений приведен у А. В. Петрова [22].

Поэтому для нашего исследования, хотя и вполне частного по своим целям, приходится формулировать собственный подход к проблематике ТОЛ - хотя бы в виде гипотезы и с использованием некоторых формулировок упомянутых выше авторов.

Во-первых, ТОЛ, как отметил А. В. Петров, это «разновидность социальных образований, складывающаяся в обществе независимо от воли

и сознания людей» и «обусловленная определенными социально-экономическими условиями конкретного общества» [22]. Во-вторых, это устойчивые целостные образования, в которых «имеются все элементы и отношения общественной структуры общества - производительные силы, технико-организационные отношения и производственные отношения, классы и социальные слои, социальные отношения, культура и т. д. Благодаря этому рассмотренные общности могут функционировать как относительно самостоятельные социальные образования» [10]. Однако самостоятельность и целостность ТОЛ относительна: у нее всегда есть дефицит, который восполним только в рамках всего общества и обуславливает непереносимое вхождение каждой ТОЛ в общественную систему в качестве элемента, звена, необходимого для других звеньев и скрепленного с ними связями и отношениями разного рода - от производственных до идеологических. Подобный дефицит может быть самым разным, вплоть до чрезмерно большого, что делает данную ТОЛ ущербной. Так бывает при отсутствии у ТОЛ крупногородского ядра (например, на Горном Западе США) или при нехватке других важных элементов общественной системы. В этом смысле ТОЛ отнюдь не обязательно является уменьшенной копией всего общества.

В-третьих, к ТОЛ применимо представление об иерархических уровнях. В зависимости от полноты целостности они могут быть крупными, когда охватывают, все стороны общественной жизни вплоть до системы ценностей (например, Юг в США), или локальными, если общность скреплена прежде всего системой расселения и трудовых поездок (как «функциональные районы» БЭА). Это позволяет говорить о -25- регионе, районе и подрайоне как о местонахождениях конкретных ТОЛ, о вхождении меньших ТОЛ в большие, о дроблении больших ТОЛ на меньшие.

В-четвертых, ТОЛ обладают разной силой территориальной обособленности и разной яркостью своей специфики, которые отличают их от окружения. Эти свойства могут быть выражены по-разному: особенностями пространственной структуры систем расселения, четкостью регионального самосознания и др. В этом смысле можно говорить о модуле ТОЛ и района, т. е. о силе его выраженности на фоне других (прежде всего соседних) ТОЛ и районов.

В-пятых, единство территории является залогом следующих главных факторов обособления и сплочения ТОЛ: интенсификации социальных контактов между членами ТОЛ благодаря их пространственной сближенности, сходства их исторических судеб и единства особой природно-ресурсной среды, которое придает специфические черты их общественной деятельности. Чем меньше расстояния между взаимодействующими людьми, тем сильнее их взаимодействие, чем ярче и специфичнее географическая среда, в которой протекает взаимодействие, тем сильнее отражаются на нем особенности среды, и чем дольше существуют условия взаимодействия, тем прочнее закрепляются в данной ТОЛ особенности, отличающие ее от других ТОЛ, включая самобытную систему ценностей, развитое региональное самосознание и т. п.

Методологические установки

Все указанные выше теоретические предпосылки во многом определяют и методологические подходы к районированию общества. Немало в таких подходах и традиционного для экономического

районирования, но некоторые аспекты связаны именно с переходом к районированию общества. Это новое порождено особенностями более широкого объекта исследования, и прежде всего сложностью ТОЛ по сравнению с территориальными общностями производительных сил, наличием у нового объекта свободы воли, с вероятностным характером закономерностей.

Сложному объекту - гибкая методика. Чем сложнее объект исследования, тем более гибкой и «мягкой» должна быть методика этого -26- исследования, иными словами, объект и методика должны быть адекватны. Простому, легко членимому объекту нужна четкая, недвусмысленная методика, но если так же подходить к объекту сложному, то многие его существенные черты будут упущены или искажены, а представление о нем окажется сильно обедненным, примитивизированным.

У районирования общества объект сложнее, чем у экономического районирования, и если в последнем с успехом применяют ясные, нередко формализованные методики, подчас сводимые к четким алгоритмам, то здесь их применять вряд ли целесообразно. Нужны специальные приемы, которые придали бы методическим процедурам большую мягкость. Ниже предлагаются несколько приемов такого рода.

Глубокая иерархизация. Районированию предстоит отразить все богатство территориальных форм жизни общества. Учитывая это, сетку районирования не следует делать слишком жесткой, подгоняющей это богатство под априорные представления географа. В ней нужно предусмотреть несколько иерархических уровней, чтобы в них нашлось место для ТОЛ самых разных масштабов и их переходных состояний - так сказать, и для тонов, и для полутонов. Подобная «игра масштабами», как любил говорить Н. Н. Баранский, одно из главных орудий географического подхода, и надо сделать так, чтобы сетки районирования использовали преимущества такого подхода в максимальной степени.

Главные составляющие общества - это экономика, социум и культура. Как уже подчеркивалось, им присущи свои, специфические формы реакции на пространство и самоорганизации в нем, что находит отражение в пространственных масштабах этих форм. Различия в масштабах - один из источников противоречий, которые служат факторами районообразования, и в каждый данный момент система районов страны - это территориальная форма разрешения таких противоречий.

Одной из форм такого разрешения является, по-видимому, своего рода разведение противостоящих структур общества по разным масштабным уровням, на каждом из которых одна из структур получает преимущественное выражение по сравнению с другими. Если обобщить картину, сознательно ее огрубляя, то можно заметить, что социальные структуры играют решающую роль на «нижних этажах» районообразования. Они определяют складывание весьма четких узловых районов в системе расселения. Маятниковые поездки, трудовые и прочие, сильно реагируют на «трение» пространства, их интенсивность быстро затухает с ростом расстояния. Поэтому районы, которые складываются на социальных взаимодействиях, сравнительно невелики по размеру, их диаметр измеряется обычно десятками километров. Зато они обладают большей сплоченностью, яркой сфокусированностью связей на ядро и вообще большей упорядоченностью территориальной структуры, которая хорошо описана моделями многих авторов - от Леша и Кристаллера до Лоури и Алонсо. К ним часто приурочено яркое региональное самосознание в виде

известного «чувства места», потому что именно в этих рамках замыкается основная масса практических действий человека в пространстве. Поэтому межрайонные взаимодействия в социальной сфере сравнительно слабее, и недаром именно с такими районами связывают свое представление о ТОЛ многие авторы, например Г. В. Еремичева. Число таких социальных районов гораздо больше, чем хозяйственных.

У хозяйства размах взаимодействия более крупный, измеряемый сотнями километров, его районы обширнее, но связи в них гораздо запутаннее, потому что хозяйственным центрам не присуща та строгая иерархическая соподчиненность, которая царит в системах расселения людей. Подобные экономические районы занимают обычно средние этажи районирования. Они спаяны в основном хозяйственными связями предприятий, а не людей, и внутренняя целостность ТОЛ на этом уровне обеспечена не столько непосредственными контактами между людьми, сколько отношениями их взаимозависимости, импульсы которой передаются хозяйственными связями. Например, трудовая деятельность рабочих комбайновых заводов в иллинойской Пеории сильно зависит от того, как складывается трудовая деятельность фермеров Кукурузного пояса, хотя рабочий и фермер, может быть, никогда не вступают в непосредственный контакт друг с другом. Межрайонные связи играют здесь гораздо большую роль, и экономические районы отнюдь не обладают той самостоятельностью, которую отмечала у социальных районов Г. В. Еремичева. Напротив, они существуют (по крайней мере в такой развитой стране, как США) только как элемент более широкого хозяйственного комплекса, только как плод ТРТ.

Еще сложнее особенности культурного взаимодействия людей, территориальная дифференциация культурных структур общества. Как правило, здесь существенные различия удастся обнаружить только между обширными районами, которые занимают «верхние этажи» районирования. На этих этажах все структуры общества представлены особенно полно, но целостность таких районов оказывается обычно весьма рыхлой. Она слабо выражена в материальной форме, потому что главный носитель целостности на этом уровне - культурные особенности и связи - относится к области сознания и выражается прежде всего в сходстве систем ценностей, в общем взгляде на узловыe проблемы общественной жизни, в единстве тех черт культуры, которые обуславливают специфичные для данной ТОЛ пространственное видение и поведение. Важно подчеркнуть, что это вовсе не означает, будто жители такого региона одинаково оценивают узловыe проблемы. Заведомо ясно, что у негра и потомка плантаторов будут диаметрально противоположные оценки расовой проблемы американского Юга, но и тот, и другой обязательно поставят эту проблему в число главных в своей жизни, и как раз это и позволяет выделять Юг как яркий район, притом сплоченный прежде всего культурными чертами. Именно это позволяет не путать его, скажем, со Средним Западом, где расовая проблема считается второстепенной. Важным фактором сплочения культурных районов оказывается региональное самосознание, которое чаще и ярче всего проявляется именно на этом уровне.

Разумеется, подобное разведение разных общественных структур по разным районным масштабам не следует понимать слишком буквально. На практике встречаются и небольшие районы с яркой культурной спецификой, и региональное самосознание в мелких ячейках систем расселения. Речь шла всего лишь о соотношении значимости этих структур на разных этапах

районообразования - о том, что на нижних этажах особо важную роль играют чаще всего социальные взаимодействия, на средних - экономические, а на верхних--культурные, но на каждом таком этаже присутствуют, разумеется, и другие структуры общества.

Важно различить, наметить эти три уровня и зафиксировать их в специфических терминах. Общепринятой терминологии здесь не сложилось, но привычным стало выделять такие уровни с помощью приставок макро-, мезо- и микро- или слова «регион», которое обозначает нечто большее, нежели «район». Поэтому мы назовем верхний этаж «макрорегионом», средний - «макрорайоном», а нижний - «микрорайоном», оставив термины «мезорегион» и «мезорайон» для промежуточных уровней, которые призваны придать сетке мягкость, более полно отразить богатство форм районирования.

Лакуны. Традиционное экономическое районирование исходит обычно из принципа кратности сеток районов и подрайонов, т. е. из «принципа матрешки»: сетка районов как бы обобщает сетку подрайонов, последняя не пересекает сетки районов, и на каждом иерархическом уровне существуют либо районы, либо подрайоны. Изредка встречаются некоторые вольности: на районы делят не всю страну, а только достаточно развитую ее часть, подрайоны выделяют не во всех районах. Но случаи эти редки, а «иерархического сосуществования» районов и подрайонов вообще не встречается. Между тем районирование общества вовсе не следует принципу «матрешки», его пространственные формы куда разнообразнее. Для того чтобы районной сеткой не сводить это разнообразие к примитиву, необходимо допустить возможность сосуществования районов разного иерархического уровня. Иными словами, нужно предусмотреть варианты, при которых между районами могут оставаться части территории, не заслуживающие ранга «район», - своего рода разрывы, лакуны в районной сетке.

Типичным примером такого рода может служить Пенсильвания. Ее восточная часть вполне очевидно тяготеет к Филадельфии, а западная - к Питтсбургу, но в центре залегает полоса немалой ширины, в которой нет отчетливого преобладания одного из этих центров, да и вообще их влияние сильно ослаблено. Центральная Пенсильвания-край гористый, лесистый, малонаселенный, он «не тянет» на отдельный район, сравнимый по размерам с Питтсбургским или Филадельфийским. Подгонять ситуацию под стандартную сетку районов, относя эту полосу целиком к одному из них или деля ее между ними, значило бы грубо исказить реальность, стереть одну из важных черт пространственной организации общества в Пенсильвании, упустить из виду наличие в ее центре обширной «ничейной» земли.

Лакуны в сетке районов - тезис непривычный, он не знаком ни экономическому, ни физико-географическому районированию. Однако для районирования общества он необходим.

Плавающие признаки. Еще один способ придания гибкости районированию - тезис «плавающих признаков». В экономическом районировании чаще всего используется единый, заранее обусловленный набор признаков для выделения районов, их разграничения и характеристики. В районировании же общества слишком много признаков, которые могут оказаться важными для этих процедур, но при этом важность их оказывается, как правило, далеко не повсеместной: часто случается так, что для одной части страны решающую роль играет одна

группа признаков, для другой части - другая. Более того, у одного и того же района могут оказаться разными те признаки, которые отличают его от разных соседей. Например, северную границу Нового Юга с Кукурузным поясом удобно проводить по соотношению кукурузы и хлопчатника в земледелии и по соотношению сторонников демократической и республиканской партий в голосованиях на президентских выборах, а восточную границу - по доле черных в населении. Для характеристики Флориды как района важнее всего такие признаки, как доля возрастной группы 65 лет и старше, особо высокий уровень доходов от туризма, сильное отставание созданного в районе дохода от потраченного в нем и т. п. Однако стоит ли проследивать колебания всех этих весьма специфичных показателей по всей территории США? Пожалуй, правильнее будет придерживаться принципа «плавающих признаков», позволяя каждому из них то возникать в качестве важнейшего для данной границы или района, то уступать место другим - в полной зависимости от реальной ситуации, а не от заранее отобранного списка.

На первый взгляд единый список признаков и тезис «плавающих признаков» не противоречат друг другу. Ведь можно задаться единым списком, а потом в соответствии с конкретикой отбирать из него для характеристики района или границы только некоторые, важнейшие, не принимая во внимание остальные, если они здесь отсутствуют или слабо отклоняются от средних по стране значений. В экономическом районировании часто так и поступают, однако в районировании общества такой список пришлось бы делать огромным, поскольку трудно определить заранее, будет ли данный признак иметь значение для какой-нибудь части территории или нет. Важнее, впрочем, другое: за этими тезисами стоят разные подходы к процессу районирования. Единый список предусматривает районирование «сверху»-разбивку всей территории с помощью этого набора признаков, притом сначала разграничение, а вслед за этим уже характеристику районов по тем признакам, которые в пределах полученных контуров принимают наибольшие значения. Тезис же «плавающих признаков» исходит из районирования «снизу». Здесь сначала нужно различить район с помощью какой-то более сложной, зачастую непараметризуемой процедуры, сформировать представление о «сущности района», а уж потом, исходя из этого представления, можно выявлять специфические для района признаки, сопоставлять их с признаками соседей, искать границы по несовпадениям.

По-видимому, нет нужды доказывать, что набор признаков должен быть специфичным не только для районов, но и для масштабных уровней. С помощью данных о маятниковых поездках можно с успехом выявлять низовые районы, но никак не крупные, для выделения которых нужны связи хозяйственные, которые «не работают» при выделении районов нижнего звена, потому что у них слишком широкий пространственный «шаг». Из этого, впрочем, отнюдь не следует, что у низового района не может быть своего хозяйственного лица, но все же хозяйственные признаки чаще играют районообразующую роль в среднем звене районирования, так же как культурные признаки - в верхнем.

О методике районирования

В научном районировании есть 3 процедуры, которые хотя и взаимообусловлены, но все же во многом автономны. Это различение районов, их осмысление и разграничение. Принято считать районирование

законченным, когда выполнены все три процедуры, т. е. когда установлены сами районы, дана их содержательная характеристика и указаны границы между ними. Однако сравнительная значимость этих процедур может сильно колебаться в зависимости от предмета районирования, подхода к нему, а то и от личных пристрастий исследователя. Так, районирование «сверху», нацеленное на поиск однородных районов, базируется на приоритете процедуры разграничения. Здесь, как правило, сначала компонуется набор признаков, затем прослеживается их дифференциация по исходным ячейкам территории и проводятся границы, притом таким образом, чтобы внутри контуров значения признаков колебались как можно меньше, а между контурами - как можно больше. В результате такого разграничения получают сетки контуров, по которым можно различать районы, а уж затем наступает черед истолкования их сути в соответствии с тем, какие значения принимают данные признаки в данных контурах.

Иное дело - районирование узловое. Тут важнее всего установить ядра изучаемого явления, уловить соподчиненность этих ядер, и лишь потом наступает черед вопроса о границах. Впрочем, здесь этот вопрос выглядит второстепенным: в узловых районах интенсивность явления падает от ядра к периферии, границы между ядрами заведомо расположены там, где явление принимает свои минимальные значения, а поэтому особой точности в нанесении границ и не нужно, поскольку ошибки мало скажутся на характеристике каждого района. Таким образом, в узловом районировании различение заведомо важнее разграничения. Отсюда нередко вырастает утверждение, что ядра районов объективны, а границы субъективны.

В теоретической географии сложилось представление, согласно которому однородное районирование отражает дискретное представление о пространстве как о совокупности внутренне однородных частей, жестко отделенных друг от друга, а узловое районирование - континуальное представление, где явление мыслится варьирующим по территории с известной плавностью, без разрывов видимых границ. Естественно, что для однородного районирования установка на «дискретизацию» реализуется в тщательном проведении границ, а для узлового районирования установка на континуальность - в известном игнорировании этих границ. Районирование общества имеет дело с реальностью слишком сложной, чтобы ее можно было однозначно свести к однородной или узловой картине, хотя ко второй оно тяготеет больше, потому что в ней, как и в узловом районировании, решающую роль играют связи, учет которых, чужд однородному районированию. Если вдуматься, какая из трех процедур - разграничение, различение или осмысление - важнее для районирования общества, то нужно будет указать на последнюю - на осмысление.

Казалось бы, это звучит парадоксально: как можно осмысливать район, не только не оконтурив его, но даже и не различив среди других? Но речь идет не столько об осмыслении конкретного района (хотя и об этом тоже), сколько об осмыслении всего процесса районообразования на данной территории, самой районной проблемы данной страны и особенностей территориальной организации данного общества. Только на этой основе можно различать районы не как мозаику, а как части единой общественной совокупности, и результаты подобного осмысления должны стать руководством к различению районов. Что же касается процедуры разграничения в районировании общества, то о ней надо сказать особо.

Безграничное районирование. Советское страноведение уже накопило солидный опыт районирования зарубежных стран. За последние 40 лет у нас в стране вышли десятки страноведческих монографий, которые непременно завершаются районными разделами. Правда, районы в них почти всегда названы «экономическими», но по замыслу авторов они часто претендуют на более широкое понимание. Для того чтобы осмыслить методологию и методику этого опыта, были просмотрены 30 таких монографий по разным странам, в том числе четыре переводные, и три вузовских учебника (книга Л. Я. Зимана не рассматривалась).

Результаты этого просмотра оказались неожиданными. Выяснилось, что авторы монографий уделяют общим вопросам районирования, как правило, 3-4 страницы, да и то посвящают их в основном сетованиям на нехватку статистики, общим замечаниям о трудностях районирования развивающихся стран и т. п. В 13 работах даже не упоминается слово «граница», в 5 работах границы районов не нанесены на карту. Лишь в 3 работах собственно методологическим вопросам уделено более чем по пять фраз. Полноценное обсуждение районной сетки встретилось лишь у Н. М. Польской, А. Е. Слуки и О. В. Витковского [32]. Все это выглядит весьма странно в свете заверений Н. Н. Баранского, что «мы уже давно привыкли считать глубокое обоснование районирования совершенно обязательным» [6]. Возникает подозрение, что эти слова относились либо только к экономическому районированию СССР, либо ко временам давно минувшим, а сейчас-де такое обоснование уже давно не считается обязательным.

Еще удивительнее, однако, другое: почти все сетки районирования в этих монографиях выглядят убедительно, районный анализ выполнен в них на хорошем, как правило, уровне, и многие из этих книг стали несомненными достижениями в области советского страноведения. Иными словами, отсутствие обоснования районирования не помешало авторам достичь хороших научных результатов.

Возникает своего рода парадокс безграничного районирования: значение границ в районировании общеизвестно, обоснование их проведения считается «совершенно обязательным», но на практике и тем, и другим пренебрегают, притом без особого ущерба для качества работы.

Причин у этого феномена несколько. Во-первых, как было показано выше, безграничное районирование вполне допустимо методологически для некоторых классов задач, к которым относится и районирование общества, точнее говоря, в таких задачах разграничение-процедура желательная, но вовсе не первостепенной важности. Во-вторых, большинство авторов этих монографий не располагало, очевидно, достаточной географической информацией, чтобы проводить разграничение как строгую процедуру. В-третьих, в таком отказе от обоснования сказались, по-видимому, сознательная позиция авторов, понимающих всю сложность, многозначность районирования общества и крайнюю условность его отражения в однозначном расчленении территории, да еще с помощью «волосных линий», которыми принято изображать границы. Наверное, даже тем ученым, которые не склонны к методологической рефлексии по поводу своей исследовательской деятельности, подобное разграничение казалось насилием над реальностью. В таком свете их устранение от суждений по этим вопросам выглядит не изменой тем традициям, о которых говорил Н. Н. Баранский, а скорее своего рода научным пуризмом,

осторожностью ученого, который не располагает ни методологическими достижениями теоретической географии в этой области, ни добротным инструментарием для картографического отображения феномена границы во всей его сложности, ни соответствующей исходной информацией. Решать же эти задачи самостоятельно, на узком плацдарме отдельно взятой страны, казалось просто не корректным. Разумеется, в ходе исследования авторы уделяли разграничению немало времени, но для освещения этой работы в тексте не хватало разработанных, общепринятых понятий и терминов, не хватало методологических установок.

В сходном положении, увы, находимся и мы. Правда, исходная географическая статистика по США весьма обильна, теоретическая география имеет немалые достижения в области районирования (в первую очередь благодаря трудам Б. Б. Родмана). Однако достижения эти далеко не полностью решают проблему и отнюдь не общепризнанны, а статистика посвящена в основном экономическим и некоторым социальным деталям, весьма полезным для однородного районирования, но не слишком ценным для районирования общества во всех его ипостасях. В этих условиях приходится снова идти на безграничное районирование. Однако на этот раз оно воспринимается не как конечный результат, а лишь как первый этап всей работы, предшествующий этапу разграничения, если само разграничение ставить как серьезную исследовательскую задачу, а не проводить его только с целью выработки «адресной системы». Разграничение заслуживает такого серьезного отношения. Ведь как научная процедура оно обладает большой эвристической силой. Оно нацелено на те части территории, куда как бы стягиваются и где разрешаются в виде границ главные процессы районообразования. Самым ценным результатом разграничения оказывается на практике не столько обнаружение точного положения границ, сколько получаемые попутно новые знания о каждом районе, о характере районообразования в данной стране, о районировании вообще.

В этом смысле районирование как исследовательский процесс должно выглядеть процессом часто повторяемым, циклическим, с неоднократным чередованием отдельных процедур. Осмысление территориальной организации общества на первом этапе помогает выявить систему районов в качестве рабочей гипотезы, процедура их разграничения выступает как ревизия этой гипотезы и заставляет вернуться к переосмыслению региональных проблем данного общества, после чего может наступить черед ревизии границ.

Необходимо, однако, подчеркнуть, что у осмысления, различения и разграничения совсем разные методики. Различение районов - сложный научный процесс, связанный с освоением самой различной информации и нацеленный на получение качественных по преимуществу результатов. Такой процесс вряд ли можно формализовать, его ход во многом зависит и от характера исходного материала, и от личных особенностей исследователя. Вряд ли стоит искать здесь жесткие методические рекомендации, которые были бы обязательны для всех авторов-страноведов и годились бы для районирования любых стран. Разграничение же, напротив, процесс весьма четкий, связанный с изучением количественной (по преимуществу) информации, его часто формализуют, сводят к недвусмысленным алгоритмам. Более того, можно смело утверждать, что практически все современные методики районирования - это методики разграничения и только разграничения; едва ли не единственное исключение

- методика «регионального синдрома» А. В. Новикова и В. Л. Каганского, нацеленная на характеристику уже оконтуренных районов [20].

В данной работе содержатся результаты лишь первых этапов районирования США - осмысления территориальной организации американского общества в самом общем виде и различения его системы районов, но без специального обоснования разделяющих эти районы границ, которое предполагается как следующий этап работы. Предложенная здесь сетка границ всего лишь дань традиции изображения районов на карте с помощью «волосяных линий», - та дань, которая необходима для привычной организации статистического материала. Эта сетка - рабочая гипотеза, предмет ревизии на следующем этапе, где предстоит внимательно рассмотреть положение каждой межрайонной границы с помощью четких методик. Совмещение этих этапов в одной книге затруднительно хотя бы по соображениям объема. Тщательное проведение границ - процедура весьма трудоемкая, несмотря на четкость применяемых здесь методик. Их подробное описание и обоснование могут занять много места - наверное, не меньше, чем характеристика самих районов на первом этапе. Поэтому мы опускаем это описание и обоснование, тем более что предложенное районирование носит пока гипотетический характер, характер «разведки боем». Это, впрочем, не избавляет от необходимости изложить принципы выбора иерархии районов, к которой мы и переходим.

Иерархия районов. Не много есть в мире стран, которые с такой ясностью распадались бы на крупные части, как США. Север, Юг и Запад - эти части очевидны и для любого американца, и для почти любого географа. Они четко закреплены всей историей страны, на них давно основана официальная статистика. Их использовал и В. И. Ленин, который дал меткую характеристику главной сути каждого из них: «промышленный Север», «бывший рабовладельческий Юг» и «колонизуемый Запад». С тех пор прошло семь десятков лет, но значение этого деления США ничуть не потускнело. Время добавило к нему лишь одну важную деталь, которую, кстати, предвидел Ленин: в ходе дальнейшего развития страны все более стали сказываться различия между промышленным Северо-Востоком и заселенным уже после революции промышленно-аграрным Средним Западом. Поэтому ныне правильнее говорить о 4 главных районах США - что, кстати, и делает американская официальная статистика с 80-х годов. Назовем этот «верхний этаж» макрорегионами, имея в виду, что в нашем языке слово «регион» воспринимается как обозначение чего-то большего, чем «район».

Макрорегион - это обширное и внутренне мозаичное территориальное образование. Его спаянность определяется в основном культурно-исторической общностью проживающих здесь людей, сходством специфики местных общественных отношений. Хозяйственная жизнь макрорегионов обычно весьма разнородна, и эту разнородность призваны отразить «макрорайоны», которые, по-видимому, в наибольшей степени сходны с традиционными «экономическими районами» в советском страноведении. Это, так сказать, «средний этаж» районирования общества. Здесь решающую роль играют хозяйственные связи, особенности пространственной организации производительных сил, хотя этим, конечно, не исчерпывается содержание макрорайонов как элементов территориальной структуры общества. Они тоже могут оказаться насыщенными ярким культурным смыслом, отражать общность жителей и

во внеэкономических сферах. Для того чтобы отразить это, мы постараемся и здесь пользоваться теми региональными названиями, которые наиболее употребительны в американской культуре и научной литературе.

«Нижний этаж» - это микрорайоны, в основном отражающие систему расселения и те ее ячейки, которые образуются как зоны тяготения главных городских центров. Как правило, они носят яркий узловый характер и скреплены прежде всего маятниковыми поездками населения - трудовыми, потребительскими, рекреационными и др. Социальная жизнь рядовых американцев замыкается в основном именно в рамках таких микрорайонов. Она явственно сфокусирована на их центры, и подобные районы удобно именовать по названиям таких центров.

Конечно, формы районообразования гораздо разнообразнее, чем предложенная трехэтажная сетка. Для придания ей большей гибкости следует ввести в нее промежуточные уровни. Так, иногда соседние макрорайоны обладают немалым сходством по некоторым существенным дополнительным признакам, и тогда их следует объединять в мезорегионы как составные части макрорегионов. Например, в глазах многих американцев Новая Англия и Верхний Нью-Йорк (северная часть штата Нью-Йорк) выглядят единой «страной янки» (Янкиленд), В. Зелински объединял их в культурный район «расширенной Новой Англии» - Нью-Ингленд икстендед(1). По-видимому, это состоящий из двух макрорайонов типичный мезорегион, который можно назвать «Янкиленд». Точно так же макрорайоны Старый Юг, Глубокий Юг, Дэлта, Пайни-Вудс и Каджунский Галф выделяются на фоне остальных повышенной долей чернокожих, что придает много специфического их общественной жизни. Чтобы подчеркнуть это сходство, можно объединить их в мезорегион Черный Юг. Нередко мезообразования возникают и внутри макрорайонов. Например, макрорайон Новая Англия явственно распадается на две части - Лесную Новую Англию и Новоанглийский Мегалополис. На первую часть приходится две трети территории, но только четверть населения, а на вторую - всего треть площади, но три четверти жителей Новой Англии. Они резко различаются даже по облику, но каждая из них состоит из многих микрорайонов и других региональных образований. Словом, мезорайоны -- тоже довольно рыхлые по структуре совокупности районов, объединяемых по признакам хотя и ярким, но все же второстепенным.

Главная арена, на которой вскрывается многообразие региональных форм организации общества, -- это промежуток между иерархическими ступенями микрорайона и макрорайона. (Такие промежуточные формы можно назвать подрайонами.) Микрорайон - это четко выраженная узловая ячейка систем расселения, сфокусированная на значительный город и представляющая зону его тяготения. Однако город городу рознь. Вокруг крупнейших городов страны образуются обширные зоны, включающие немало больших городов, каждый из которых сам мог бы служить ядром в системе расселения, если бы не располагался в «тени» большого города. Такие скопления нельзя приравнять к ячейкам в разреженной части систем расселения, где они (ячейки) нередко достигают больших территориальных размеров, но фокусируются на сравнительно небольшие города. К тому же есть немало территорий, где узловый характер расселения либо ослаблен, либо вовсе заслонен другими факторами районообразования - хозяйственными, культурными, административными. Здесь могут возникать районные образования другого типа, нежели узловый микрорайон, и в них на первый план выходят признаки однородности.

Таким образом, здесь районирование протекает в виде противостояния факторов однородности и узловой связности, которое к тому же осложнено фактором масштаба района. Стоит заметить, что в местах разрежения системы расселения могут возникать образования явно меньшие по масштабу, нежели микрорайон, подчас не имеющие ясной внутренней организации и различимые прежде всего благодаря их внутренней однородности.

Выявление всех форм районообразования в США - дело кропотливое и долгое, требующее глубокого знания конкретных деталей при исследовании и отдельного места для изложения. Вдаваться в такие детали невозможно в данной работе, которая представляет собой общий очерк региональной организации американского общества. Для целей этой работы достаточно отметить, что все промежуточные формы между микрорайонами и мезорайонами будут называться подрайонами, а малые микрорайоны - ареалами, если у них ослаблена сфокусированность связей и невелика людность. Однако для того, чтобы пояснить высказанные выше соображения, приведем детально иерархизованную схему районирования на примере макрорайона Новая Англия (рис. 3). Общая же схема районирования США, которой будет следовать дальнейшее изложение, показана на рис. 2.

Остается добавить, что компоновка этих районов на данном этапе велась по сетке округов, по которым публикуется основная масса американской географизированной статистики. Эта сетка достаточно дробна (более 3 тыс. ячеек) для районирования на верхнем и среднем этажах, да и на нижнем этаже она причиняет неудобства лишь изредка.